

A photograph of three surgeons in an operating room. They are wearing blue scrubs, blue bouffant caps, and surgical masks. The surgeon in the center is looking directly at the camera, while the two on either side are looking down at the patient. They are all wearing white gloves and are performing a surgical procedure on a patient lying on an operating table. The patient is covered with a blue drape. In the foreground, on the table, are several surgical instruments, including forceps and a scalpel, and a small metal bowl. The background shows medical equipment and monitors.

Алекс Твиркель

Мясорубка

18+

Алекс Твиркель

Мясорубка

«Автор»

2026

Твиркель А.

Мясорубка / А. Твиркель — «Автор», 2026

Три врача. Одна больница. Тысячи жизней. И одна система, которая хочет превратить их в роботов. Хирург, у которого дрожат руки. Нейрохирург, которую отстранили от операций. Анестезиолог, который держит руки умирающих. Они не герои. Они просто врачи. И они не сдаются. «Мясорубка» — роман о цене жизни и цене ошибки. О выгорании и надежде. О том, что кто-то должен оставаться человеком, даже когда система этого не хочет.

© Твиркель А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пульс города	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Алекс Твиркель

Мясорубка

Глава 1. Пульс города

Время: 07:45. Место: Приемное отделение городской клинической больницы №24.

Запах стоял специфический: смесь хлорки, пригоревшей каши из пищеблока и въедливого, липкого страха. Приемный покой гудел, как улей, в который бросили камнем.

Андрей Петрович Савельев шел по коридору тяжелой, чуть косолапой походкой. Его шаги гулко отдавались в бетонном месиве стен. В правой руке он сжимал граненую кружку с крепким кофе, который скорее напоминал гудрон, чем напиток. Медсестры шарахались в стороны, санитарки прижимались к стенам. Андрей Петрович сегодня был не в духе. Впрочем, как и всегда.

— Савельев, — бросил он, не глядя на дежурного врача, парня лет двадцати восьми с испуганными глазами. — Что у нас?

— Андрей Петрович, — запнулся тот, семеня рядом. — В третьей палате мужчина, 40 лет, ножевое в грудь. Пневмоторакс. Дренаж поставили, но...

— Что «но»? — Савельев остановился. Его тяжелый взгляд, казалось, придавил молодого коллегу к полу.

— Давление падает. Подозрение на повреждение перикарда. Нужна торакотомия.

— А ты мне это говоришь, потому что сам боишься резать или потому что ищешь моего благословения? — Савельев сделал глоток обжигающего кофе. — Готовь операционную. И вызови Крылову. Если там задето сердце, нам понадобится ее голова.

Он двинулся дальше, не оборачиваясь. Подойдя к ординаторской, он толкнул дверь плечом. Внутри было пусто. Савельев поставил кружку на стол, рядом с кипой неразобранных бумаг, и посмотрел на свои руки.

Большие, узловатые, покрытые сеткой вен. Руки, которые спасли тысячи людей. Он поднял правую руку и вытянул ее перед собой. На первый взгляд — тверда, как скала. Но он знал. Он чувствовал это легкое, едва уловимое дрожание где-то в глубине сухожилий. Словно внутри сидел крошечный предатель и дергал за ниточки.

Это началось месяц назад. Сначала он списывал на усталость. Потом на возраст. Но когда на прошлой неделе он едва не задел аорту на плановой операции из-за того, что скальпель пошел на миллиметр в сторону, он понял: это конец.

Савельев резко сжал кулак, пряча дрожь.

— Не время, — прошептал он, обращаясь к самому себе. — Еще не время.

В этот момент дверь открылась, и на пороге появилась Елена Викторовна Крылова. Свежая, как мартовский снег, в темно-сером брючном костюме, с идеальной осанкой. Она выглядела так, будто не спала вовсе, но при этом была готова свернуть горы.

— Вызывали, Андрей Петрович? — спросила она, бросив быстрый взгляд на его сжатую руку.

— Мужчина в третьей, — коротко бросил Савельев, убирая руку в карман халата. — Ножевое. Подозрение на тампонаду сердца. Я начну, ты — на подхвате.

— Мне нужны снимки КТ, — холодно заметила Елена. — Вслепую я не пойду.

— Снимки будут, когда пациента привезут в операционную. Или ты предлагаешь подождать, пока он остынет на каталке? — Савельев усмехнулся, но глаза остались злыми. — Это тебе не Израиль, Елена. Здесь всё делается быстро и грязно.

Она сжала челюсти, но промолчала. Этот конфликт — старый, как сама больница — между хирургической яростью и диагностической точностью — разгорался с новой силой каждое утро.

— Я переоденусь, — отрезала она и развернулась, цокая каблуками по линолеуму.

Савельев снова остался один. Он посмотрел в окно. Город просыпался, машины текли по проспекту, словно эритроциты по венам. А внутри этой бетонной коробки шла своя, невидимая миру война за жизнь.

Глава 2. Точка невозврата

Время: 10:20. Место: Операционная №1.

Операционная №1 считалась «королевской», хотя ремонт здесь делали последний раз лет десять назад. Плитка на стенах пошла трещинами, а вентиляция гудела так, что приходилось повышать голос.

Андрей Петрович стоял у стола, облаченный в стерильный халат. На лбу выступила испарина, которую медсестра тут же промокнула марлей. Он держал скальпель. Скальпель держал руку.

Елена стояла напротив, следя за монитором. Максим Соколов, молодой анестезиолог, сидел в углу, похожий на студента, прогуливающего лекцию. На нем была футболка с принтом группы «Nirvana», видневшаяся под халатом.

— Давление 80 на 50, — монотонно произнес Максим. — Сатурация падает. Андрей Петрович, у нас мало времени.

— Не учи меня работать, — прорычал Савельев. — Давай кровь. Адреналин в капельницу.

Он сделал разрез. Движения были отточены до автоматизма. Но сегодня нож шел тяжело. Не потому что тело пациента сопротивлялось, а потому что хирург внутри Савельева боролся со своим собственным телом.

— Крючки, — скомандовал он.

Елена подала инструмент. Их руки встретились на секунду. Она почувствовала, как его пальцы дрогнули. Всего на миг. Но она почувствовала.

Она подняла глаза. Савельев смотрел в рану, лицо его было каменным.

— Андрей Петрович, — тихо, почти шепотом, сказала она. — Может, вам стоит...

— Заткнись и держи рану, — рявкнул он так, что анестезист вздрогнула.

Он расширил доступ. Вот оно — сердце. Окутано синей, напряженной гемоперикардом. Сгусток крови давил на мышцу, не давая ей сокращаться.

— Отсос.

Максим отвернул вентиль. Кровь хлынула в трубку. Сердце вздрогнуло, начало биться чаще.

— Есть, — выдохнул Савельев. — Ушиваем.

Он взял иглодержатель. И тут это случилось. Правая кисть, которой он должен был сделать решающий стежок, пошла в сторону. Всего на пару миллиметров, но в хирургии такое расстояние равно пропасти.

Елена замерла. Максим привстал со стула.

Савельев стиснул зубы. Он сделал усилие, сравнимое с тем, как если бы поднимал штангу. Медленно, преодолевая сопротивление собственных мышц, он вернул иглу в нужную точку и проткнул ткань. Еще раз. И еще.

— Зашито, — сказал он, отступая на шаг. — Дренаж. Заканчивай, Крылова.

Он развернулся и пошел к выходу, срывая перчатки. Елена смотрела ему вслед. Она видела то, что не должен видеть никто: как заведующий отделением, «Хирург от Бога», боится собственной руки.

В коридоре Савельев прислонился к холодной стене. Его трясло. Он смотрел на правую руку, которая сейчас была расслаблена, и видел, как мелкая дрожь бежит по пальцам.

— Черт, — прошептал он.

— Андрей Петрович? — Максим вышел следом, вытирая руки бумажным полотенцем. — Вы в порядке?

— Курить есть? — вместо ответа спросил Савельев.

— Я бросил. Но для вас найду, — Максим пожал плечами. — Вы сегодня вытащили его. Я видел.

— Я едва не убил его, — Савельев посмотрел на молодого врача. — Ты видел, да?

Максим молчал. Он умел молчать так, что это было красноречивее слов. Он видел всё. Он видел, как рука главного хирурга дернулась, и как он это скрыл. Он видел ужас в глазах Елены. И он видел, как этот большой, грузный человек сейчас похож на раненого медведя.

— Я никому не скажу, — наконец произнес Максим. — Но это не значит, что этого не было.

Он развернулся и пошел обратно в операционную. Савельев остался один в пустом коридоре. Где-то вдалеке пищал кардиомонитор. Больница жила своей жизнью, и ей было плевать на драму одного старого хирурга.

Глава 3. Идеальный протокол

Время: 13:00. Место: Кабинет заведующего нейрохирургическим отделением.

Елена Крылова сидела перед монитором, изучая снимки МРТ пациента, которого должна была оперировать завтра. Мужчина, 55 лет, аневризма сосудов головного мозга. Сложный случай, требующий микрохирургической техники и специальных клипс.

Она открыла электронную заявку на расходные материалы. И снова наткнулась на стену.

«Требуется: Клипсы для аневризмы, титановые, 3 шт.»

«Статус заказа: Отклонено (превышен лимит финансирования на квартал)».

Елена закрыла глаза. Год назад она уже видела этот текст. Тогда она боролась, писала докладные, звонила в Минздрав. Тогда она потеряла пациента на столе. Молодого парня, 30 лет. Просто потому, что в больнице не нашлось нужного импланта. Он умер от разрыва аневризмы, пока она ждала, что привезут замену.

Это стало ее личной травмой. Трещиной, которая с каждым днем становилась глубже.

В дверь постучали.

— Да, — сухо отозвалась она.

Вошла старшая медсестра, Тамара Ивановна. Женщина с добрым, но усталым лицом, в очках, висящих на цепочке. Она знала всё про всех в этом отделении.

— Леночка, — начала она, прикрывая дверь. — Ты опять с этим заказом мучаешься?

— Тамара Ивановна, мне нужны эти клипсы. Без них я не смогу оперировать. Это не аппендицит удалить.

— Главврач подписала отказ, — Тамара вздохнула и села на стул для посетителей. — Говорит, денег нет. Говорит, используйте то, что есть.

— Использовать что? — Елена повысила голос. — Старые советские клипсы, которые не подходят по размеру? Или мне скальпелем это место зажать?

— Тише, тише, — медсестра оглянулась на дверь. — Я слышала, в 12-й больнице есть. Может, попросишь?

— До 12-й больницы ехать два часа по пробкам. Пациент умрет раньше, чем я туда доеду, — Елена уронила голову на руки. — Я так больше не могу, Тамара Ивановна. Это не медицина. Это конвейер по переработке людей в статистику.

— А ты думала, будет по-другому? — Тамара Ивановна погладила ее по плечу. — Ты молодая, умная. Уехала бы обратно в свой Израиль.

— Я вернулась, чтобы спасти людей здесь, — глухо ответила Елена. — А получается, что я просто заполняю бумажки.

Она подняла голову. В глазах стояли слезы, но она не позволяла им упасть. Перфекционистка не плачет. Она составляет план Б.

— Ладно, — сказала она, вытирая лицо. — Я пойду к Савельеву. У него в отделении есть старые запасы. Может, у него найдется что-то подходящее.

— К Савельеву? — Тамара Ивановна покачала головой. — Он сегодня злой, как собака. Говорят, в операционной наорал на молодого анестезиолога.

— Он всегда злой, — Елена встала. — Но он единственный, кто еще помнит, что такое настоящая хирургия.

Глава 4. Философия уходящих

Время: 16:30. Место: Отделение реанимации и интенсивной терапии (ОРИТ).

Максим Соколов сидел на посту, листая историю болезни. В реанимации было тихо. Только мерное пищание аппаратов и редкие шаги дежурной сестры нарушали тишину.

В палате №6 лежал пациент, которого все уже мысленно списали. Бабушка, 82 года, с обширным инсультом. Она была подключена к ИВЛ. Мозг мертв, но сердце еще билось. Родственники не давали согласия на отключение.

Максим встал и подошел к стеклянной перегородке. Он смотрел на эту женщину. Она была похожа на восковую фигуру. Он знал, что она уже не здесь. Но тело продолжало работать, потому что система не позволяла ему остановиться.

«Вот она, цена жизни, — подумал Максим. — Мы тратим миллионы на то, чтобы поддерживать биологическое существование, но не можем найти деньги на клипсы для молодого парня».

Он вспомнил свою диссертацию. Тема: «Биоэтика в условиях рыночных отношений: парадокс ценности человеческой жизни». Он писал ее уже два года. И каждый день находил новые подтверждения своим теориям.

Дверь открылась, вошла медсестра.

— Максим Игоревич, там скорая привезла. Мужчина, 60 лет. Острый панкреонекроз. Везут к нам.

— Кто дежурит по хирургии?

— Савельев.

Максим вздохнул. Савельев сегодня уже вымотан. Но он придет. Потому что по-другому не умеет.

Через десять минут в реанимацию влетел Андрей Петрович. Он был бледен, но собран.

— Где он?

— Восьмая палата. Давление 100 на 60, тахикардия, — доложил Максим.

— Готовь к операции. Я переоденусь.

— Андрей Петрович, — Максим преградил ему путь. — Вы сегодня уже оперировали. Вы выглядите...

— Как кто? — Савельев посмотрел на него. — Как старик? Как инвалид?

— Как человек, которому нужно отдохнуть, — спокойно ответил Максим. — Я могу вызвать Крылову. Или другого хирурга.

Савельев схватил Максима за грудки халата. Их лица оказались близко. Максим не отвел взгляд. Он видел красные, воспаленные глаза хирурга, испарину на лбу.

— Слушай сюда, сопляк, — прошипел Савельев. — Пока я стою на ногах, я буду резать. Потому что если я перестану резать, то я сдохну. Понял?

— Понял, — тихо сказал Максим. — Но если вы сдохнете на столе, вы убьете и пациента.

Савельев отпустил его. Отвернулся.

— Просто подготовь всё, — глухо сказал он. — И дай мне пять минут.

Он вышел в коридор. Максим поправил халат. Он понимал этого старого волка. Понимал его страх. И, пожалуй, это был единственный человек в больнице, которого Максим уважал. Потому что Савельев был настоящим. Он не прятался за отчетами.

Глава 5. Разговор в темноте

Время: 21:00. Место: Крыша больницы.

Операция прошла тяжело. Панкреонекроз — это гной, некроз, грязь. Савельев провел у стола четыре часа. Он вышел из операционной, шатаясь. Сейчас он стоял на крыше, курил и смотрел на город.

— Вредная привычка.

Он обернулся. Рядом стояла Елена. Она подошла беззвучно.

— Здесь все курят, — буркнул он. — Чего тебе?

— Мне нужны клипсы, — сказала она прямо. — Для аневризмы. У тебя в старых запасах есть титановые. Я видела.

Савельев затаился. Дым ушел в темное небо.

— Есть, — кивнул он. — Три штуки. Еще с девяностых. Может, ржавые.

— Мне подойдут.

— Они не сертифицированы. Если что-то пойдет не так, тебя по головке не погладят.

— Я знаю.

Он посмотрел на нее. В свете фонарей ее лицо казалось высеченным из мрамора. Красивое и холодное.

— Ты не сдаешься, — сказал он.

— Пытаюсь делать свою работу, — ответила она. — В отличие от некоторых, я не верю, что можно решать всё кулаками и криком.

— А я не верю в твои протоколы, — парировал он. — Твой протокол год назад убил пациента.

Елена вздрогнула. Это был удар ниже пояса.

— Это было не из-за протокола, а из-за его отсутствия, — тихо сказала она. — Если бы система работала, он был бы жив.

— Система не работает, — Савельев выбросил окурок вниз. — Никогда не работала. Поэтому мы — врачи — должны работать за себя и за того парня. Ты хочешь спасти мир, Елена? Начни с одного пациента. А не с бумажек.

Он пошел к выходу с крыши.

— Завтра в 8:00 заberi клипсы у Тамары, — бросил он через плечо. — И не потеряй их. Они последние.

Елена осталась одна. Она смотрела на огни города. Где-то там, в этих миллионах окон, были люди, которые не знали, что за их жизнь сейчас борются двое уставших врачей на крыше больницы.

Глава 6. Консилиум

Время: Следующий день, 11:00. Место: Конференц-зал администрации.

Главврач, Ольга Дмитриевна Смирнова, женщина лет шестидесяти с идеальной укладкой и белоснежной улыбкой, стояла у презентационного экрана. На экране светились графики и цифры.

В зале сидели заведующие отделениями. Савельев сидел в углу, развалившись на стуле. Елена сидела прямо, сложив руки на коленях. Максим, как представитель молодых специалистов, сидел у окна.

— Коллеги, — начала Ольга Дмитриевна. — Квартальный отчет показывает снижение показателей. Мы должны повысить эффективность. Сократить среднее время пребывания пациента на койке. Увеличить оборот койко-места.

Савельев громко фыркнул.

— Андрей Петрович, — главврач улыбнулась, но в глазах мелькнул лед. — У вас есть что добавить?

— Есть, — Савельев поднялся. — Вы говорите об эффективности. А я вчера оперировал мужика с панкреонекрозом. Его можно было спасти дома, если бы он попал к врачу на неделю раньше. Но он не попал, потому что в поликлинике очередь на УЗИ — месяц. Вы говорите о койко-местах. А я говорю о людях.

— Мы работаем в системе, Андрей Петрович, — парировала главврач. — И должны соблюдать регламенты.

— Ваши регламенты — это мясорубка, — Савельев сел обратно. — Крутите ручку и получаете статистику. А люди умирают.

Повисла тишина. Елена смотрела на свои руки. Она была согласна с Савельевым, но не могла поддержать его методы.

— У нас есть проблема с расходными материалами, — вмешалась она. — Нейрохирургия не может работать без современных имплантов. Мы теряем пациентов.

— Елена Викторовна, — главврач вздохнула. — Мы обсуждали это. Финансирование ограничено. Используйте внутренние резервы.

— Я использую, — Елена встала. — И я предупреждаю: если ситуация не изменится, я буду вынуждена подать докладную в Министерство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.